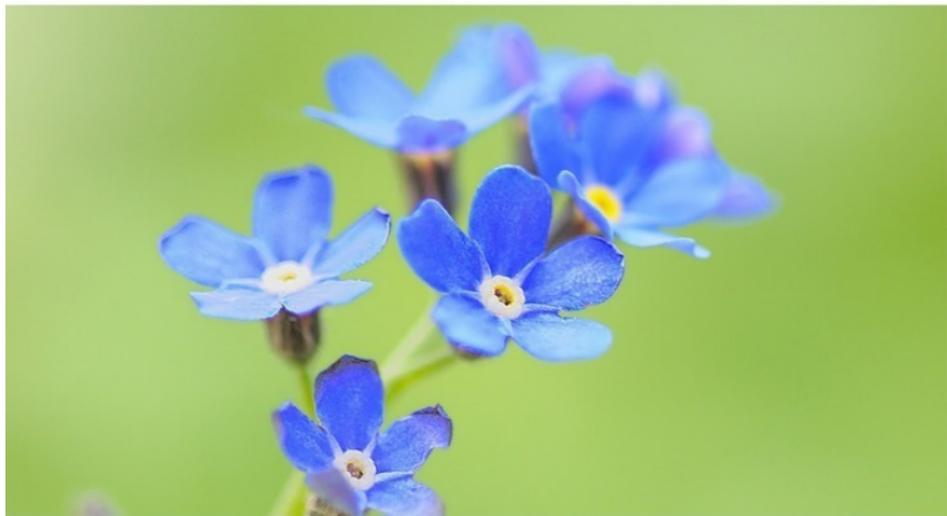

Анна Сороковикова
Алексей Тенчой

БЛАГОДАТЬ

Иоанн (Анна) — благодать, милость

Алексей Тенчой
Анна Сороковикова
Благодать. Иоанн (Анна)
– благодать, милость

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28062478

ISBN 9785448591839

Аннотация

Дорогой Читатель! Вы держите в руках роман об истории семьи потомственных православных священнослужителей. Трагические события разъединили детей и родителей, вынудили покинуть Родину. Как живется эмигрантам на чужбине? Сложно ли сохранить веру в добро и любовь? Сможет ли воссоединиться семья? Книга пронизана удивительными событиями, радостью от встречи с Божественным, Любовью и Состраданием.

Содержание

Благодать	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

**Благодать
Иоанн (Анна) –
благодать, милость**

**Анна Сороковикова
Алексей Тенчой**

© Анна Сороковикова, 2019

© Алексей Тенчой, 2019

ISBN 978-5-4485-9183-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодать

Самый конец июля 1935 г. В дрожащем воздухе стоял пряный аромат сенокоса. Софа лежала в телеге, задыхаясь, будто на грудь положили огромный валун.

– Опять батя с дедом, ворованное привезли, дышать не возможно, да еще в такую даль.

– Уж молчи, дочка, а то старый лютовать будет, ты и так на ладан дышишь, – ответила мать, прикрывая ее зипуном.

Мимо проходила старенькая монашенка. Одежда ее была вся залатана, опираясь на палочку, она еле передвигала ноги. Остановившись у телеги передохнуть, внимательно посмотрела на девочку.

– Матушка, вы откуда...

– Была дивеевская... теперь перекасти-поле.

Та подала ей краюху хлеба.

– Благодарствую, божий человек. Спрячь, молись государю и спасешься, так говорила наша блаженная, Прасковья Ивановна. – она протянула что-то завернутое в тряпку, – Мария, как дочка будет задыхаться, мажь маслицем на грудке и спинке три крестика, будет легче. Фарисеям своим ничего не говорите, да хранит вас Господь!

Путница медленно стала удаляться, перебирая четки и одними губами повторяя молитву.

Солнце клонилось к закату, когда старик дал команду «со-

браться». Моисей хотел подсобить жене сесть на телегу, она вот-вот должна была разродиться, но жесткий взгляд отца его остановил. Чтоб как-то разрядить напряжение, он медленно поплелся рядом с женщиной за повозкой.

– Чего ты злишься, я говорила тебе, ворованным не торгуй, Господь все видит, греха не допускает, – раздался слабый голос под зипуном.

– Опять учить меня вздумала – и огромный кулак в рыжих и седых волосах со зверской силой опустил на голову внучке, – второго Яшки не допущу, если ваш ублюдок не замолчит, я ее раздавлю.

Видно что-то произошло, телега резко затормозила. Софа сделала щелку, через которую ей все было видно, а она оставалась не замеченной. Дорогу перегородили четверо вооруженных всадников. Все говорило о том, что они специально поджидали старого еврея.

– Вот и свиделись Еся. Поди, думал, что мы уже на том свете и должок отдавать никому не надобно, а мы живучие и пришли вернуть свое.

– Да что ты, Седой, как можно забыть. Только я старый, больной, где возьму столько. Посмотри, сколько у меня ртов и все есть просят, да и прибавление вот – вот ожидаем. Смилуйся, подожди еще, – заговорил приторно ласково дед.

– Э нет, хитрый жид, ты опять пакость придумаешь, лишь бы долг не отдавать...

В это время отец заметил, что дочь, из под зипуна наблю-

дает, хотел его опустить, стал протягивать руку, раздался выстрел и, сраженный в сердце, Моисей рухнул наземь.

– Никому не двигаться, всех порешу! Медленно опускай поводья, спускайся с телеги, и отойди с пузатой на десять шагов. Рябушка, проверь, небось карабинчик сынок хотел вытащить.

Низенький бандит, с выщербленным оспой лицом, подошел к телеге и резко дернул зипун. Под ним увидел Софу. Та смело смотрела на него своими огромными глазами, правая рука ее что-то прятала за спину завернутое в тряпицу:

– А вот и наш должок, – рябой стал отнимать сверток, сопротивление было настолько сильным, что он еле стряхнул девочку с руки, та упавши на камни, стихла. – Она че, у вас больная, я думал тут деньги, золото... Седой, это фотографический портрет семьи Николая второго и какой-то пузырек – и уже обращаясь к девочке, – откуда это у тебя, дурочка...

То, что произошло дальше, было неожиданно, даже для бандитов. У Еси налились глаза кровью, подскочив к внучке, он стал бешено пинать ее своими керзачами, неистово стегать кнутом, при этом злобно по своему причитал, аж пена была у кончиков рта. Для всех были понятны только два слова «Яша» и «Гои». Когда невестка бросилась на помощь дочке, старик со всей силы ткнул ее рукояткой, та охнула и, схватившись за живот, медленно осела.

– Седой, смотри, как он царя ненавидит, даже мертвого,

своих готов убить. Кончить его, должок все равно пропал. Уходить надо, пока никто не едет.

– Давай, а то совсем убогонькую забудет.

Раздался выстрел, Еся с хрипом рухнул около полумертвой внучки, накрыв своим телом подарок монахини. Бандиты, пораженные увиденным, даже не стали ничего и никого обыскивать, только забрали кобылу и ускакали прочь.

Девочка пришла в себя только на рассвете. Мать лежала поодаль, тихонько охая. Еле перевернувши тело деда на спину, Софа подняла портрет и вытащила из-под рубахи сверток, до которого бандиты не добрались.

– Вот, ты уже и спас нас Царь-Батюшка один раз, спасибо. Мамочка милая, нам покреститься надо, потом нас Господь к себе обязательно возьмет.

– Мы еврейки, кто же это сделает. Все бояться.

– Господь и сделает, – как ни в чем не бывало ответила девочка – ничего, что еврейки, Иисус тоже еврей. Бог всех звал к себе. А кто такой Яша?

– Твой дядя, младший брат Моисея. Принял православное крещение, вот Еся его и проклял. А когда ты стала об этом думать и говорить, стал внушать отцу, что я с Яшей согрешила, поэтому ты такая больная, что от проклятого.

– Ты у меня самая лучшая, чистая, терпеливая. Теперь нас никто не будет обижать. На первое время хватит этого, – девочка спрятала сверток под провизию в корзину, а потом Господь что-нибудь придумает, не пропадем.

Софа всегда так уверено говорила об Иисусе Христе, что Мария через это и сама стала задумываться о православном крещении. Она не запрещала общаться девочке со стареньким дьячком, он жил от них через два двора, поскольку знания, что он ей давал, и держали дочь на этом свете. Да и рождение Софы... закричала не сразу, повитуха сказала «не жилец», раздался колокольный звон, девочка ожила, та удивилась и обрадовалась «божий человечек». Даже Еся боялся своей внучки, как она терпеливо переносила свой недуг и как твердо верила в Иисуса Христа. Она одна не боялась говорить деду «фарисей». Думы Марии прервала сильная боль внизу живота, начались схватки, начинались роды.

– Ангел ты мой светлый, – погладила дочку по голове, – помолись, роды начинаются.

– Хорошо, мамочка. Ты не переживай, по – моему кто-то едет в нашу сторону, Господь нас не оставит.

Минут через пять на поляне появилась телега. Управлял ею мальчик лет восьми, Софьин ровесник. Еще там ехала женщина с младенцем на руках. За транспортом шел чернявый высокий мужчина, с окладистой с проседью бородой, вел на веревке козочку. Шествие завершали три девочки-подростки двенадцати, десяти и восьми лет. Все остановились.

– Есть, кто живой, откликнись... – мужчина вышел вперед и стал осматривать поляну.

– Мы здесь, сюда, пожалуйста, им уже не помочь – Софа

вышла из тенечка, – маме нужна помощь, скорей.

Подъехавшие ужаснулись, что сделал дед из внучки сапогами и кнутом, где тело было не прикрыто одеждой, виднелись черные синяки и рассеченные раны, она еле передвигалась от боли, лицо тоже было разбито.

– Моя мамочка рожает, помогите ее.

– А вы как остались живы...

– Они нас защитили, – и девочка показала подарок монахини.

Женщина, положив младенца, быстро соскочила на землю.

– Вера, Надежда, Любовь идите сюда. Иван, вы пока с Федором закопайте убитых, только сначала разведите костер и поставьте нам котел воду нагреть. А тебя, доченька, как зовут, иди милая сюда, вот тебе хлеб и молоко. Ты поешь, да за Николенькой приглядывай, а лучше тоже поспи. Наберись сил, потом все расскажешь, – подсадивши Софу с хлебом и молоком на телегу, обратила внимание, насколько легка девочка, поторопилась к роженице.

Первый раз в жизни Софе было спокойно, она поняла, что все будет хорошо, это его помощники, Небесного Отца, по молитвам Царя Батюшки и, расслабившись, она позволила себе все съесть, что ей дали, и сон.

Софа открыла глаза и огляделась. Телега стояла под навесом, она лежала, накрытая своим зипуном, все тело ныло

от боли. Рядом кто-то зашевелился, повернувшись, увидела младшую девочку, которая с радостным криком «проснулась, проснулась!», соскочивши с телеги, убежала. Через минуту появилась с бородатым. Он, широко улыбаясь, взял Софу на руки и понес в дом, ласково приговаривая

– Проснулась, лапушка, мамаша с братиком уж заждались тебя, двое суток проспала, поди есть сильно хочешь.

Пережитая трагедия отразилась на девичьих височках легкой сединой, что делало ее огромные глаза еще больше.

– Сейчас потрапезуешь, а потом Надежда тебе ранки маслицем от лампадки опять смажет, тебе легче будет – и, уже обращаясь к детям, – девочки, собирайте на стол, гостю потчевать будем.

– Когда все сядут, тогда и я – тихо сказала Софа.

Бородач аккуратно посадил ее на лавку, внимательно посмотрел и сказал

– Я хозяин дома, отец Иоанн, а тебя как зовут, глазастая – Софа.

– Благословляю тебя на трапезу, София – он положил широкую теплую ладонь на ее голову, – а когда матушки с младенцами проснуться, потрапезуем все вместе, тебе сил набираться надо, нам нужны крепкие помощники.

В дверях показался Федор.

– Все сделал, как вы велели, батюшка. Кузнец передал поклон, попросил на следующей неделе старика его навещать. А это от хозяйки, я отказывался, но она сказала, что

у нас большое прибавление, «батюшка племянников к себе забрал», и если я не возьму, обидится, – и он поставил корзину на лавку.

– Вот тебе и компания, – сказал хозяин.

Малец обрадовался, в сенях помыл руки, вернувшись, перекрестился на иконы и подсел к столу. Перед ними поставили по миске борща. Федор подвинул Софе кусок хлеба по больше, а когда в ложку попало мясо, плюхнул его девочке и строго, по взрослому, сказал

– Ешь!

– Можно я роженицам оставлю, им детей кормить...

– Ты слышала, что батюшка сказал, нам нужны крепкие помощники, сама все съешь, а мамочек мы накормим – Федор подмигнул, широко улыбнувшись.

За занавесками завякал младенец.

– О, Серафим проснулся, такой же, как ты, тихонький и стеснительный, вот слушай, как наш Николай сейчас проснется...

Действительно, минуты через три подал голос и второй младенец, у того был басок. И так Софочке от этого стало хорошо и уютно, все вокруг казалось таким родным, что она впервые в жизни засмеялась:

– Так моего братика Серафимушкой назвали...

– Первое августа, день обретения мощей Серафима Саровского, слышала про такого святого, а наш родился семнадцатого июля, в день убиения царской семьи, вот поэтому

назвали Николаем. Батюшка его лично знал, императора нашего.

– Николенька – ласково проговорила Софа.

Минут через пятнадцать из-за занавески вышла хозяйка.

– А кто это у нас так хорошо смеется, проснулась лапушка, давай знакомиться, меня зовут матушка Анна.

– Софа.

– Хорошо как, правда сынок, Вера, Надежда, Любовь есть, а теперь и София!

В хату вошел хозяин.

– По трапезничали, вот и хорошо. У нас все готово, матушка. Вера тебе поможет Марию помыть. Надежда, Любовь и София в баньке сами справятся.

– Можно мне взглянуть на моих?

– Пойдем, лапушка, только тихонечко, – и матушка повела Софу за занавеску.

Мария лежала с закрытыми глазами, черные распущенные волосы сильно подчеркивали бледность усталого лица, губы и ногти были синие. Софа бесшумно подошла и взяла мать за руку, она была холодна. От прикосновения та открыла глаза:

– Ангел мой, ты пришла. Спасибо тебе за все, мне уже не долго осталось, береги Серафима и, пусть твой Бог тебя поможет.

– Мамочка, любимая моя, он и твой Бог, батюшка нас всех покрестит, я его уговорю, он не откажет.

Мария позволила себе улыбнуться.

– Ты у меня не исправима, где же ты его найдешь?

– Я тебе сказала, что Господь все устроит сам, мы с тобой в доме у священника, ты отдыхай, все будет хорошо, – она приложила губами почти к безжизненной руке матери, потом подошла к Серафиму и Николаю, лежавшим в большой уютной корзине, поцеловала каждого в щеку и вышла.

– Батюшка, Иоанн, вы не можете нам отказать, ведь Иисус Христос тоже был евреем, покрестите нас всех – она упала на колени и вопрошающе смотрела своими огромными глазами.

– Встань, лапушка, кто я такой, чтоб отвернуться от вас, если сам Господь позвал, наш дальний хутор вам открыл, в мой дом привел, все сделаем, как подобает.

Девочки очень осторожно помыли гостью в баньке, потом внимательно смазали каждую ранку маслицем, помогли одеть все чистое, правда, извинялись, что не новое. Привели в порядок ее волосы, бережно обработав и ранки на голове. Софа почувствовала облегчение почти сразу, только вот не могла разобрать от чего, чудно пахнущего маслица, или любви, которую проявляли сестрички, единственно, она твердо верила, что все это в конечном итоге Божественная помощь. Она чувствовала себя укутанной БЛАГОДАТЬЮ. Когда все было закончено с туалетом, батюшка, похвалив, отправил девочек помочь Вере и маме, а сам остановил гостью у баньки для разговора:

– Задержись, лапушка, мне с тобой поговорить надо, – Софа почувствовала, как у него сдавило горло, – матушка твоя совсем плоха, боюсь, и до утра не дотянет. А посему, сейчас надо крестить, чтоб успел ее исповедать и причастить. Ты не против?

– Я знаю «Отче наш», «Символ веры», ангельское приветствие Божьей Матери, – волнуясь, заговорила она, прижавши его ладонь к своей щеке – я буду делать все, как скажите, только надо успеть ее спасти.

В доме все было готово для таинства. Батюшка облачился в одежды и, благословясь начал... Мария лежала умиро-творенная. Огромные глаза Софочки от счастья горели каким-то не земным, а божественным светом. Все прониклись значимостью этого события, даже младенцы, не нарушили торжественную тишину. Ночью все слышали горячую благодарственную молитву Софии, о той милости, которую даровал им Господь, Иисус Христос, приняв в ряды своей Церкви. Иоанн и Анна поражались силе духа этого «божьего человечка», девчонки утирали слезки, вспоминая искалеченное, исстрадавшееся тельце Софочки, а Федор благодарил Господа, что тот убрал у него презрение к евреям, через эту девочку. После молитвы малышка взяла мать за руку, ее уже батюшка исповедал и причастил, и на коленях простояла у постели остаток ночи. К утру, Марии не стало. Но теперь, счастливая, что та умерла христианкой, девочка спокойно приняла ее смерть, твердо веря во всеобщее Воскре-

сение, и зная, как она переносила все унижения и страдания не сомневалась, что ее любимая мамочка рядом с Господом.

Прошли похороны, все собрались за столом, Анна сказала, когда были роды, Мария, боясь помереть, назвала адрес дяди Яши из Одессы, на всякий случай. Но сейчас дети останутся жить у них на хуторе, молока грудного хватает, потом козочка поможет. Так у Софии и Серафима появилась большая любящая семья. Девочке казалось, что они попали в рай, здесь не боялись говорить о Боге, не прятали икон, все время шла молитва. После крещения, исповеди и причастия приступы почти отступили, но пока малышка не окрепла, ее приставили помогать ухаживать за малышами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.